

— Правду ли говорят, о почтенный Маруф-башмачник, что ты знаешь всех в этом прекрасном городе?

— Это правда, путник. Как правда то, что прибыл ты сюда из далеких полуночных земель, как правда то, что твои башмаки истерты о скалы вокруг нашего города, а чалма... Столь необыкновенной чалмы не видел наш великий город, должно быть, со дня своего основания...

— О да, мудрый башмачник, — путник улыбнулся в ответ. — Я действительно прибыл сюда из земель полуночных, я и в самом деле исходил все горы вокруг великого города, а чалма моя... ох, Маруф, чалма моя видела столько, что, думаю, ей мог бы позавидовать и ты сам.

Башмачник мерно кивал, задумчиво поглаживая ладонью узкую седую бороду. Появление этого свет-

ловолосого и светлоглазого странника сулило городу новые беспокойства, а самому Маруфу — долгие часы размышлений о происшедшем, а потом, куда позже, — о тщете и суете всего земного.

— Но почему ты, юный путник, спросил меня? — Старик с подозрением взглянул на юношу из-под седых бровей.

— Даже до наших далеких краев дошла удивительнейшая история о горах, в которых прячутся пещеры, полные сокровищ, тайн и коварных дьяволов... Вот я и пришел, чтобы своими глазами все это увидеть... И быть может, найти пару-тройку золотых монет...

— Мой мальчик! — Старик негромко рассмеялся. — Не одну сотню лет ходят легенды о коварных пещерах и злобных дьяволах, не одну сотню лет появляются в горах юнцы вроде тебя, чтобы найти «пару-тройку золотых монет»... И, о всемилостивый и милосердный Аллах, не одну сотню лет идет по нашему базару молва, что очередной юный искатель сокровищ разбился об острые камни, какими усеяно дно узких и глубоких пропастей...

— Но это обыкновенный риск, мудрый башмачник. Чего не отдашь за десяток-другой золотых монет?..

— О, юноша, боюсь, что к концу нашей беседы это будут уже два-три сундука...

— Ну что ж, это тоже неплохая добыча... Для одинокого и небогатого путника.

109

Башмачник замолчал. Лишь тонкий молоточек в его руках напевал тихую песню о только что починенном каблуке.

Молчал и путник. Быть может, он не хотел тревожить собеседника понапрасну. Но, быть может, придумывал новый, более язвительный вопрос.

Первым не выдержал Маруф.

— Но почему же ты, юный странник, спросил меня о том, знаю ли я всех в нашем воистину великом городе, да хранит всемилоостивый и милосердный Аллах его денно и ночью?

— Потому, — ответил юноша, — что я хочу познакомиться с почтенным Али-Бабой, удивительная история которого долетела и до наших полуночных мест. Никто, как сказали мне у входа на ваш великий базар, никто лучше тебя не знает этой истории... Или они ошибались?

— О нет, мальчик, — голос башмачника стал теплее, — никто — о, как правы мои соседи! — никто лучше меня не знает этой удивительной истории. И никто лучше меня тебе ее не расскажет. А после уж решай, стоит ли тебе вновь возвращаться в горы за парой-тройкой золотых монет. Или, быть может, лучше познакомиться с достойным Али-Бабой и узнать, к чему могут привести глупые прогулки по тайным горным тропам. Слушай же... Было это так...

Макама первая

— О Аллах, да разве это урюк?!

— Это золото, а не урюк! Как ты, презренный, можешь не видеть ясных лучей солнца, что подарили этому благословенному лакомству свои силы?! Как ты можешь не видеть драгоценные соки прекрасного дерева, что напоили его сладчайшим ароматом?!

— О как ты красноречив, несчастный торговец... Неужели ты не видишь червя, который уже почти съел твой жалкий, ссохшийся годы назад, черный, как мой гнев, мелкий урюк!..

«О Аллах, как же несносны эти торговцы! И как несносны эти мелочные покупатели! Они за несчастный медный фельс будут торговаться до ночи, будут обзывать друг друга ослами и баранами, чтобы сговориться о цене в тот момент, когда сил на пререкания у обоих уже не останется...» Посмеиваясь, Али-Баба